

БЛОК 4 ДРАГОЦЕННЫЕ КНИГИ «Что такое драгоценные книги».

Текст 4.1

(1)На столе в комнатухе лежали драные-передранные книги, и мне надлежало, пользуясь клеем, пачкой папиросной бумаги, газетами и цветными карандашами, склеивать рваные страницы, прикреплять к серединке оторванные, укреплять корешок и обложку, а потом обёртывать книгу газетой, на которую следовало приклеить кусок чистой бумаги с красиво, печатными буквами, написанными названием и фамилией автора.

(2)«Одетую» мной книгу Житкова «Что я видел» Татьяна Львовна признала образцовой, и я, уединившись в библиотечных кулисах, множил, вдохновлённый похвалой, свои образцы.

(3)Благоговеиная тишина, запахи книг оказывали на меня магическое действие. (4)На моём счету числилось пока что ничтожно мало прочитанного, зато всякий раз именно в этой тишине книжные герои оживали в моём воображении! (5)Не дома, где мне никто не мешал, не в школе, где всегда в изобилии приходят посторонние мысли, не по дороге домой или из дома, когда у всякого человека есть множество способов подумать о разных разностях, а вот именно здесь, в тишине закутка, ярко и зримо представляли передо мной расцвеченные, ожившие сцены, и я превращался в самых неожиданных героев.

(6)Кем я только не был!

(7)И Филиппком из рассказа графа Льва Толстого, правда, я при этом замечательно и с выражением умел читать, и, когда учитель в рассказе предлагал мне открыть букварь, я шпарил все слова подряд, без ошибок, приводя в недоумение и ребят в классе, и учителя, и, наверное, самого графа, потому что весь его рассказ по моей воле поразительно менялся. (8)А я улыбался и въявь, и в своём воображении и, как маленький Филиппок, утирал мокрый от волнения лоб большой шапкой, нарисованной на картинке.

(9)Я представлял себя и царевичем, сыном Гвидона, и менял действие сказки Пушкина, потому как поступал, на мой взгляд, разумнее: тяпнув в нос или щёку сватью и бабу Бабариху, я прилетал к отцу, оборачивался самим собой и объяснял неразумному, хоть и доброму, Гвидону, что к чему в этой затянувшейся истории.

(10)Или я представлял себя Гаврошем и свистел, издеваясь над солдатами, на самом веру баррикады. (11)Я отбивал чечётку на каком-то старом табурете, показывал нос врагам, а пули жужжали рядом, и ни одна из них не задевала меня, и меня не убивали, как Гавроша, я отступал вместе с последними коммунарами, прятался в проходных дворах. (12)Потом я ехал в родной город и оказывался здесь, в библиотечном закутке, и от меня ещё пахло порохом парижских сражений.

(13)Сочиня исправленные сюжеты, я замирал, глаза мои, наверное, останавливались, потому что, если фантазия накатывала на меня при свидетелях, я перехватывал их удивлённые взгляды, – одним словом, воображая, я не только оказывался в другой жизни, но ещё и уходил из этой. (По А.А. Лиханову)*

** Лиханов Альберт Анатольевич (род. в 1935 г.) – писатель, журналист, председатель Российского детского фонда. Особое внимание в своих произведениях писатель уделяет роли семьи и школы в воспитании ребёнка, в формировании его характера.*

Текст 4.2

(1)Я хочу поведать вам историю, которая во многом определила моё отношение к миру.

(2)Всякий раз, когда заходит разговор о людях, хороши они или плохи, я вспоминаю этот случай из детства.

(3)Мы жили в деревне. (4)Однажды отец взял меня в город. (5)Помню, мы искали обувь и зашли по дороге в книжный магазин. (6)Там я увидел книгу. (7)Я взял её в руки, на каждой странице книги были большие картинки. (8)Я очень хотел, чтобы отец купил мне эту книгу, но он посмотрел на цену и сказал: «В другой раз купим». (9)Книга была дорогой.

(10)Дома я целый вечер говорил только о книге. (11)И вот через две недели отец дал мне деньги.

(12)Когда мы шли к магазину, мне было страшно: а вдруг книга уже продана? (13)Нет, книга лежала на месте.

(14)Мы сели в вагон дачного поезда, и все, разумеется, сразу заметили, какую книгу я везу. (15)Многие пассажиры садились рядом, чтобы посмотреть картинки. (16)Весь вагон радовался моей покупке, и на полчаса я стал центром внимания.

(17)Когда поезд отошёл от очередной станции, я поставил книгу на открытое окно и стал смотреть на лес, на поля и луга, которые мелькали за окном. (18)И вдруг – о ужас! (19)Книга исчезла между двойными окнами вагона. (20)Ещё не понимая серьёзности положения, я замер и испуганно смотрел на отца, на соседа-лётчика, который пытался достать книгу. (21)Через минуту уже весь вагон помогал нам.

(22)А поезд бежал, и вот уже скоро наша станция. (23)Я плакал, не желая выходить из вагона, тогда лётчик обнял меня и сказал:

– (24)Ничего, поезд ещё долго будет идти. (25)Мы обязательно достанем книгу и пришлём тебе. (26)Скажи мне, где ты живёшь?

(27)Я плакал и не мог говорить. (28)Отец дал лётчику адрес. (29)На другой день, когда отец вернулся с работы, он принёс книгу.

– (30)Достал?

– (31)Достал, – засмеялся отец.

(32)Это была та самая книга. (33)Я был на седьмом небе от счастья и засыпал с книгой в руках.

(34)А через несколько дней пришёл почтальон и принёс нам большой пакет. (35)В пакете была книга и записка от лётчика: (36)«Я же говорил, что мы достанем её».

(37)А ещё через день опять пришёл почтальон и опять принёс пакет, а потом ещё два пакета, и ещё три: семь одинаковых книжек.

(38)С того времени прошло почти 30 лет. (39)Книжки в войну потерялись. (40)Но осталось самое главное – хорошая память о людях, которых я не знаю и даже не помню в лицо. (41)Осталась уверенность: бескорыстных и хороших людей больше, чем плохих, и жизнь движется вперёд не тем, что в человеке плохого, а тем, что есть в нём хорошего. (По В.М. Пескову)*

** Песков Василий Михайлович (1930–2013) – писатель, журналист, путешественник.*

Текст 4.3

(1)Вовка примчался через десять минут. (2)На моём столе лежал раскрытый том Пушкина. (3)Такую толстенную книгу Вовка никогда не видал.

– (4)Давай читаем! – торопился Вовка.

(5)Как мы читали Пушкина! (6)Первый раз – самостоятельно, без руководства взрослых, пусть даже очень хороших и мудрых. (7)Как захлёбывались мы радостью познания неизвестных доселе слов и чувств – точно подкрались к благодатному источнику, который зачем-то прятали от нас прежде, давая из него лишь по глоточку отфильтрованной влаги. (8)И вот мы пьём медленно, без всяких помех, и нам ломит зубы студёность и новизна. (9)Мы были полны восторга, ещё не умея выразить то, что переполняет нас до самого края, а только слушая себя, своё сердце, слушая, как замирает оно, когда возносит вдруг душу какая-то волна, и как обрывается всё внутри, когда волна эта бросает вниз, словно испытывая нашу прочность.

(10)Мы ещё не знали, что стихи Пушкина обладают этим волшебным умением, что волнуют нас образы и видения, слагаемые из слов, и что мы переживаем одно из самых счастливых мгновений, которые даруются человеку.

(11)Отныне, встречаясь, мы с Вовкой вели странные речи, в которых незримо присутствовал Александр Сергеевич. (12)Ну, например, я спрашивал своего друга:

– Как ты вчера до дому довлачился? (13)В обитель дальнюю?

(14)А Вовка отвечал:

– Поздно уже прикандыбал. (15)Почти пред ясным восходом зари.

(16)Говоря друг другу эти слова, мы, конечно, шутили, но не так, чтобы очень. (17)Спроси нас в ту пору со взрослой строгостью в голосе, что это мы так по-дурацки шутим, мы бы, наверное, смутились и перестали вставлять в свою речь пушкинские слова, но мы ведь переговаривались негромко, говоря друг дружке свои замечательные тирады, и, по крайней мере, никому другому знаний своих не демонстрировали.

(18)Лишь однажды Вовка сорвался.

(19)Так уж выходило, что слова эти и выражения легко и радостно впитывала наша память, похожая на губку, да ведь ещё мы и упражнялись, вставляя в свои речи пушкинские обороты, поэтому Вовку было трудно судить за раскрытие тайны, когда он вдруг сжал кулак и крикнул:

– Вострепещи, тиран! (20)Уж близок час паденья!

(21)Это было в начале последнего урока. (22)Анна Николаевна рассказывала про последние известия с фронта, а Вовка, такая у него была почётная обязанность, передвигал флажки на карте под руководством учительницы.

(23)Наши били фрицев, флажки двигались каждый день, расширяя фронт атак, и в тот день скакнули далеко вперёд. (24)Вот Вовка и не выдержал.

(25)Все засмеялись его необыкновенным словам – все, кроме меня и Анны Николаевны.

(26)Учительница же заглянула Вовке прямо в глаза, а потом долго смотрела ему вслед, пока мой друг, притихший, медленно, словно раненый, шёл к парте, усаживался, лез зачем-то в портфель.

– (27)М-мда! – задумчиво произнесла Анна Николаевна. (28)После небольшой паузы она сказала:

– Ребята, а давайте проведём в классе конкурс на лучшего исполнителя стихотворений Пушкина!

(По А.А. Лиханову)*

** Лиханов Альберт Анатольевич (род. в 1935 г.) – писатель, журналист, председатель Российского детского фонда. Особое внимание в своих произведениях писатель уделяет роли семьи и школы в воспитании ребёнка, в формировании его характера.*

Текст 4.4

(1)Когда спрашивают, почему я, человек вполне сухопутный, так привязан к Севастополю, к морякам и кораблям, я говорю:

– (2)Потому что море я полюбил в детстве.

(3)И сегодня мне хочется вспомнить подробности тех дней, когда я впервые ощутил тоску по Севастополю.

(4)Это случилось в начале июня. (5)Я от нечего делать зашёл к Шалимовым. (6)Лёшка сердито мастерил из загнутой медной трубки и гвоздя пугач-хлопушку. (7)На меня он только глянул с хмурым равнодушием. (8)В те дни, о которых я рассказываю, он дразнил меня непонятным прозвищем Кнабель. (9)Впрочем, Лёшкины дразнилки были беззлобные, а по-настоящему злился он, если к нему лезли под руку во время важной работы. (10)Поэтому я не стал соваться и разглядывать пугач, а смиренно присел на укрытую суконным одеялом койку.

(11)На коричневом сукне лежала книга, на которой были разлапистые якоря, парусные корабли и слова: «С. Григорьев. Малахов курган».

(12)Всё, что было связано с морем и парусами, приводило меня в волнение. (13)Книгу я тихо открыл и стал читать, как десятилетний мальчик Венька стоит на крыше своего дома и смотрит на входящую в бухту эскадру, как блестит на солнце оранжевая ребристая черепица на белых домиках.

(14)Я листал страницы неслышно и сидел не шевелясь, боясь лишним движением напомнить о себе.

(15)Видимо, с пугачом ладилось: Лёшка, не сказав ни слова, ушёл, а через минуту на дворе грохнуло. (16)Выстрел встряхнул меня – надо было принимать решение. (17)Попросить Лёшку, чтобы дал почитать? (18)Он может ответить «бери», а может и буркнуть «сам читаю» или «не моя».

(19)Я непослушными пальцами расстегнул на животе оловянные пуговицы, запихал книгу и боком скользнул на кухню. (20)Щёлкнул на двери крючком и замер с книжкой у стола...

(21)Через какое-то время Лёшка задёргал дверь.

– (22)Кнабель, это ты стёр книгу?

– (23)Всё равно не дам, пока не дочитаю! – отчаянно сказал я, потому что расстаться с повестью о Севастополе было, казалось, выше моих сил.

– (24)Ну, только выйди, – нехорошим голосом предупредил Лёшка.

(25)К середине следующего дня я дочитал «Малахов курган» и, виноватый, готовый к заслуженной каре, но всё равно счастливый, понёс книгу Лёшке. (26)Лёшка встретил меня вполне миролюбиво, улыбнулся и сказал:

– (27)Да ладно, у меня сейчас «Восемьдесят дней вокруг света» есть, а эту читай ещё, если охота...

(28)И я читал ещё. (29)Не спеша. (30)Про Веньку и про Нахимова, про гибель кораблей, затопленных у входа в бухту, и про матросов на бастионах. (31)А ещё в книге был Севастополь. (32)Я читал о жутких непрекращающихся бомбардировках, о развалинах и пожарах, но сквозь дым военного разрушения продолжал видеть мирный и солнечный город у необозримого моря. (33)Тот, который нужен был мне...
(По В.П. Крапивину)*

** Крапивин Владислав Петрович (род. в 1938 г.) – детский писатель. Его книги были включены в «Золотую библиотеку избранных произведений для детей и юношества», «Библиотеку приключений и научной фантастики», «Библиотеку мировой литературы для детей». Некоторые произведения писателя экранизированы.*

Текст 4.5

(1)В третью военную осень после уроков Анна Николаевна не отпустила нас по домам, а раздала узкие полоски бумаги, на которых под жирной фиолетовой печатью – всё честь по чести! – было написано, что такой-то или такая-то действительно учится во втором классе девятой начальной школы.

– (2)Вот! (3)С этой! (4)Справкой! – разделяя слова, делая между ними паузы и, таким образом, не просто объясняя, а внушая, вдавливая нам правило, которое требовалось запомнить, Анна Николаевна разъясняла и остальное. – (5)И письменным! (6)Поручительством! (7)Мама! (8)Вы! (9)Пойдёте! (10)В детскую! (11)Библиотеку! (12)И запишетесь!

(13)Детское ликование не остановить. (14)Да и не нужно его останавливать, потому что это ведь стихия. (15)Поэтому наша мудрая Анна Николаевна только улыбнулась, когда мы заорали на радостях, заколотились в своих партах, как в коробах, отошла в сторону, прислонилась к тёплой печке, прикрыла глаза и сложила руки калачиком.

(16)Теперь самое время объяснить, отчего уж мы так возрадовались. (17)Дело в том, что все мы давно уже научились читать – соответственно возрасту, конечно же, запросто разделялись с тонкими, ещё довоенными, клееными-переклееными книжечками, которые давала в классе Анна Николаевна, но вот в библиотеку нас не пускали, в библиотеку записывали почему-то лишь со второго класса. (18)А кому в детстве не хочется быть постарше? (19)Человек, который посещает библиотеку, – самостоятельный человек, и библиотека – заметный признак этой самостоятельности.

(20)Постепенно мы утихли, уgomонились, и Анна Николаевна снова стала объяснять.

– (21)В письменном! (22)Поручительстве! (23)Мама должна написать! (24)Что в случае! (25)Потери! (26)Книг! (27)Она! (28)Возместит! (29)Утрату! (30)В десятикратном! (31)Размере!

– (32)Теперь вы понимаете свою ответственность? – спросила она уже обыкновенным, спокойным голосом.

(33)Можно было и не спрашивать. (34)Без всякого сомнения, штраф за потерянную книжку в десятикратном размере выглядел чудовищным наказанием. (35)Выходило, что книжки читать будем мы и терять, если доведётся, тоже будем их мы, а вот мамам придётся страдать из-за этого, будто мало им и так достаётся.

(36)Да, мы росли в строгости военной поры. (37)Но мы жили, как живут люди всегда, только с детства знали: там-то и там-то есть строгая черта, и Анна Николаевна просто предупреждала об этой черте. (38)Внушала нам, второклассникам, важную истину, согласно которой и мал и стар зависимы друг от дружки, и коли ты забудешь об этом, забудешь о том, что книжку надо беречь, и потеряешь по рассеянности или ещё по какой другой, пусть даже уважительной причине, то маме твоей придётся отвечать за тебя, плакать, собирать по рублю деньги в десятикратном размере.

(39)Повздыхав, зарубив себе на носу жестокий размер ответственности и ещё одно правило, по которому мама должна прийти сама вместе с тобой, захватив при этом паспорт, мы вылетели на волю, снова ликуя и толкаясь.

(По А.А. Лиханову)*

** **Лиханов Альберт Анатольевич** (род. в 1935 г.) – писатель, журналист, председатель Российского детского фонда. Особое внимание в своих произведениях писатель уделяет роли семьи и школы в воспитании ребёнка, в формировании его характера.*